

30 марта 1984 года

К 175-летию со дня рождения Н. В. Гоголя

«УЗНАННЫЙ В РОЩАХ, ПАРКАХ, УСАДЬБАХ...»

31 МАРТА В СЕЛЕ ГОГОЛЕВО ШИШАЦКОГО РАЙОНА ПОЛТАВСКОЙ ОБЛАСТИ
ОТКРЫВАЕТСЯ ЗАПОВЕДНИК-МУЗЕЙ Н. В. ГОГОЛЯ.

«Как бы хотелось мне хотя на мгновение оторваться от душных стен столицы и подышать хотя на мгновение воздухом деревни!».

Эти слова вырвались у юного Гоголя — ему было около двадцати одного года — в письме к матери. Но и позже, когда судьба заносила его в Париж, Рим, Иерусалим, душа его стремилась к деревенскому уюту, а в сердце великого художника он ассоциировался с родной Васильевкой. Село с его высоким небом, песнями и печалью всегда звало, манило, влекло, ласкало его, дарило не только целебный воздух, но и то, что переполняло его художественную натуру, выливаясь в картины народного бытия, в раздумья о бессмертном прошлом и великом будущем народа. «Пришлите мне малороссийские песни и различные присказки, это будет мне хлеб», — так цитирует одно из писем своего брата к матери Ольга Васильевна Гоголь-Головня, и хотя цитата эта не дословна, но как точно именно эти слова передают отношение писателя к тому, что вдохновило его и на «Вечера на хуторе близ Диканьки», и на «Миргород», и на «Мертвые души», да, собственно, на все созданное им!

Кажется, Гёте сказал: хочешь понять поэта — езжай на его родину. Сейчас, когда воссоздана усадьба Гоголей, когда открывается музей-заповедник, счастье приобщения к родной обители великого сына Отчизны может иметь каждый, кто захочет глубже познать родники его поэтического гения.

А мне припоминаются те недавние дни и годы, когда родное село писателя Гоголево — бывшая Васильевка, бывшая Яновщина, включилось — каждый своим жителем — в большую работу, предшествующую созданию заповедника-музея: большую и по объему предстоящих строительных работ, по сбору материалов, оформлению, экспозиции, и по значимости ее в развитии культурной жизни Полтавщины. Тогда уже было видно: Гоголево должно принять эстафету Михайловского, Канева, Ясной Поляны...

Приходилось бывать в родном селе писателя по многу раз. Но, глядя на пустырь вокруг пруда, трудно было представить подворье, где когда-то бегал маленький Николаенька, где обдумывались, писались целые главы «Мертвых душ», где в воображении приехавшего из Петербурга Гоголя жили, смеялись, бесновались, веселились, вылетали в трубу на метле, хватали прыгающие прямо в рот вареники его герон.

Работая над книгой очерков о полтавских потомках Пушкина — а все они в той же мере потомки и Василия Афанасьевича Гоголя, то есть ближайшие родственники Николая Васильевича, — мы не раз касались в разговорах с Софьей Николаевной Данилевской ее жизни в Васильевке. Правнучка Пушкина, она знала детей поэта — своего деда Александра Александровича и Марию Александровну. Но родилась и прожила детство и юность в Васильевке, а потому хорошо знала и помнила также сестру Гоголя Ольгу Васильевну Головню — хранительницу памяти о писателе, фамильные реликвии и преданий. Помнила и другую сестру писателя, Анну Васильевну, заменившую ее отцу, племяннику Гоголя — Николаю Владимировичу Быкову, рано умершую мать — третью сестру писателя, Елизавету Васильевну. Ей выпала судьба вместе с матерью Марией Александровной Пуш-

киной-Быковой донести потомкам бесценные пушкинские и гоголевские реликвии, чтобы передать их народу на вечное хранение.

— Ольга Васильевна утверждала, что после поездки в Иерусалим Гоголь каждое лето приезжал в Васильевку, — вспоминала Софья Николаевна. — Она не только рассказывала, но и показывала места, где работал Гоголь, как писал, стоя у конторки чуть ли не целый день, как любил проехать на коне, а то и пройти к Стенке, походить под сенью высоких крон Яворовщины.

Какое-то время Софья Николаевна еще собиралась проехать на машине в Гоголево, но груз девяносто с лишним лет давал себя знать, становилось ясно: поездка не состоится. И тогда решила вспомнить детство дочь Софьи Николаевны, Мария Сергеевна. Она родилась в год, когда не стало Ольги Васильевны, но рассказы ее еще долго жили в семье, да и весь уклад жизни детских лет хранил гоголевское тепло, которое, казалось, разлило в шум липовых аллей, уютных комнатах дома и флигеля, тихом течении пруда, где она, кстати, научилась плавать.

— Едем! — позвонил как-то, отъезжая через шесть десятилетий, вобравших научные экспедиции в Средней Азии, напряженную работу в областях украинского Полесья, на путешествии в места детства и отрочества.

Дорогой Мария Сергеевна показывала знаменитые диканьские дубы, вспоминала семейные предания о слезных хождениях Марии Ивановны Гоголь в Николаевскую церковь, где молилась о рождении будущего сына, узнавала и не узнавала дорогу, села, степные балки.

В Гоголеве первыми ее словами были: — Пруд! Узнаю пруд! Да, это был знаменитый в гоголевских местах пруд, построенный Василием Афанасьевичем. Он любил на своих волнах Николая Васильевича и сохранился практически в том же виде, каким его видел писатель. Колхоз за последние годы углубил, расчистил родники, да в одном месте вода немного размывала берег, образовав небольшой залив. Конечно, не те уже вербы смотрят в лазурные глубины, нет на противоположном берегу того сада-леса, который так любил Гоголь, но все это не так уж трудно воссоздать. Есть же пруд! Мария Сергеевна размышляла вслух, на ходу показывая: вот отсюда

на плотике плыл Гоголь на другой берег, там у одинокой женщины собирались на вечерницы парни и девушки, здесь, наверное, его могучая художественная фантазия оплодотворялась если не сюжетами, то духом будущих «Вечеров на хуторе близ Диканьки». На этом месте мы увидели посаженный школьниками фруктовый сад и небольшую беседку, построенную на память о ключе гоголевского вдохновения в родной Васильевке. Инициатором и руководителем доброго дела был сельский старожил Федосий Антонович Демченко («Вот чье имя нужно сохранить для потомков — он первый создал живой памятник гениальному земляку», — смеялся через два года Олесь Гончар, смотря на сияющие светом материнства яблони).

— Вот там, на самом широком месте, стояла купальня Быковых, а немного в сторону — Головня, собственно, гоголевская, — показывает Мария Сергеевна и местные старожилы, краеведы подтверждают: купальня будет восстановлена. — А там, где сидят с удочками дети, был камень. Нам рассказывал дедушка, Николай Владимирович Быков, как на этом камне часто сидела Мария Ивановна Гоголь в трауре — после смерти сына она не снимала его до последнего своего дня. Печалилась-тужила, поверяя волне материнскую боль и печаль...

Гоголевский пруд, от которого, кстати, и «танцевали», воссоздавая усадьбу, интересен многим. Пруд копали васильевские крестьяне в первой четверти девятнадцатого века, и он сам по себе — памятник строительного таланта и Василия Афанасьевича Гоголя, и, главное, крепостных, создавших рукотворное чудо. На этом же пруду была построена водная мельница, и мы с Марией Сергеевной стали мечтать о том, что по примеру пушкинских мест, когда-то дойдет очередь и до реставрации мельницы — ведь в гоголевские времена она действовала! Тогда только закладывали фундамент флигеля, и мы подтянулись по направлению к строению.

— Вижу следы грота, — заметила спутница. — Здесь, у входа, лежал камень.

И вместе припоминаем, как описывает гротин в «Семейной хронике Гоголей» Ольга Васильевна: по сторонам рябиновые деревья, против гротина несколько березок, посредине кружок белых роз. Как красиво, вослинула, вспоминая отроческие впечатления, сестра писателя: наверху красные ягоды рябины, внизу — белая кипень, а по сторонам — цветы, кусты душистые! Мария Сергеевна, кандидат сельскохозяйственных наук, биолог по образованию, здесь же с жаром заговорила, как важно воссоздать облик этого уголка, каким его видел писатель, ведь он был частичкой его душевного равновесия и подъема в дни и ночи, когда создавались удивительные шедевры поэтической прозы Гоголя.

Прошлись мы и по противоположному берегу, на котором Гоголь расчистил и посадил сад из любимых деревьев — липы, дуба и клена. И сейчас здесь сад, но уже не тот, гоголевский, о котором О. В. Головня вспоминала: «Там было что-то похожее на лес, никакой дорожки не было, брат принялся делать аллею... Сам там был целые дни... За время, пока он пробыл у нас, расчистил все аллею...» В другой раз езд ввел он насыпать холм (говорил: «будет видно усадьбу и лес Черныша» — близкого соседа), послуживший поводом для стольких легенд.

...Гоголевские дороги, гоголевские тропинки. Их много в окрестностях бывшей Васильевки. Косяровщина — родной хутор матери, где жили родители и сестры Марии Ивановны («У нее было еще десять братьев, но все они умерли», — уточняет Мария Сергеевна). Яреськи, где до сих пор стоит здание известного в начале прошлого столетия домашнего театра Троцинского (женой его была родная тетя Марии Ивановны, Анна Матвеевна) и где Николай Васильевич посадил дуб — он и сейчас выделяется могучим стволом и кроной. Воронящина — село, куда ездили Гоголи к соседям...

Но есть два места, особенно дорогие сердцу. Наверное, опять-таки по образцу пушкинского заповедника в Михайловском, когда-то и они станут частью гоголевского мемориала. Речь о любимых местах отдыха Николая Васильевича — урочищах Яворовщина и Стенка. Последнее увековечил в своем рисунке Тарас Шевченко.

Яворовщина — в двух с половиной километрах от гоголевской усадьбы. Писатель любил ходить сюда пешком, иногда ездил на рысаке или повозке. Яворовский лес пришел ему в наследие от бабушки, Татьяны Семеновны Лизогуб-Гоголь, с чьим именем в семье связана романтическая история. Дочь богатых родителей, она влюбилась в домашнего учителя Афанасия Демьяновича Гоголя-Яновского. Отец и мать не признали неравного, по их понятиям, союза, лишили ее приданого, и она, прихватив свои вещи, ушла с любимым из дому. Где-то повенчались, долго бедствовали вдвоем в Миргороде. Только после смерти родителей братья подарили ей Ва-

сильевку. Василий Афанасьевич Гоголь, единственный сын, родился у супругов только на четырнадцатом году после женитьбы. Татьяна Семеновна прекрасно рисовала, а ее дом был своеобразным музеем казачьей одежды. Не от нее ли перенял Гоголь художнический дар (а что он хорошо рисовал, общеизвестно)?

Яворовщина была для него местом, где он мог отдохнуть душой. Здесь стояла пасека, какое-то время даже жила одна семья — у Гоголей, кстати, всегда жили то обедневшие родственники, то сироты, то кто-то, кому нужен был уход. Может, и Рудой Панько, — пасечник из Яворовщины? Во всяком случае, так считали в семье Гоголей, в селе, хотя, в конце концов, художественный образ и его прототип — далеко не одно и то же. Николай Васильевич собирал здесь цветы и травы, пил целебную воду из родника, который еще и недавно радовал журчащим ручьем. Его бы расчистить — еще один живой памятник гоголевскому вдохновению!

Входишь сейчас в Яворовщину — и как бы попадаешь в царство деревьев и трав. Поляна, где стоял когда-то омшаник, вся в цветущих душистых травах, деревья — дубы, клены, бересты, липы — шумят ветвями высоко-высоко. Это примета гоголевских лесов: деревья здесь тянутся ввысь, крона — сама верхушка, кажется, где-то под небесами.

К Стенке ехать добрых пять километров. Миновали луга, машина катит Каменецкими мостами — их было три, теперь уже было, потому что через год-два дорога оделась в асфальт. Нам же довелось видеть их почти в том же виде, как и во времена Гоголя. Стенка спускается вниз зеленым лесным ковром, выросшим на обрывистом берегу Голты (потому и Стенка — лес, как стена), и занимает всего пятьдесят один гектар. Место и вправду как будто создано для поэзии. Два шпиль возвышаются над обрывом — в народе их называют гоголевскими. Живет в памяти людской, да и в семье Данилевских, был, как на одном из них отдыхал Тарас Шевченко. Посмотришь вниз, вдаль — такая отирается панорама пригортыванских сел и лугов со стадами коров, что сердце замирает от обилия красок, ощущения простора и тихой, ласковой красоты. А внизу, прямо под обрывом, буйствует ковер из трав, манят к себе терн (так и захочется попить гоголевский грушевый

квас с терновыми ягодами), лесная земляника. До сих пор легко распознать, где стоял дом лесника, где была пасека, где выкопали колодец... И, как встарь, растет под обрывом боярышник.

Известна Стенка и тем, что здесь Гоголь задумал «Заколдованное место». Помните: «под ногами круча без дна, над головою свесилась гора и вот вот, кажись, так и хочет обрваться на него!».

Стояли мы через два года на этой горе с Олесем Терентьевичем Гончаром. Вас еще во власти дороги, гоголевского пруда, человек немногословный, он иногда не выдерживал: «Всмотритесь, какие музыкальные холмы в этих местах!» Смотрел вдаль, прищурив мудрые глаза, которые, казалось, пили солнце, лазурь, бездонную зеленую лугов, тихо загорались каким-то внутренним огнем и отдыхали в цветении сентябрьского дня.

— Да, — сказал он тихо, раздумчиво. — Здесь все гоголевское. Настоящее.

На шпилье, где часто бывал Гоголь, Олесь Терентьевич особенно всматривался в растительность. Конечно же, и травы, и деревья здесь были не те, что полтора столетия назад, но наблюдательный глаз большого писателя, прекрасного знатока растительного мира сразу же подмечал и называл те из них, которые могли расти здесь и во времена Гоголя. С какой-то особой радостью нашел он кустик ковыля, тырсы, травы степной, несомненно, занесенной сюда в давние казачьи времена.

«Прекрасен Пушкин прочитанный. Но Пушкин, узанный в рощах, парках и усадьбах Михайловского и Тригорского, становится для нас еще богаче». Вспоминаем эти слова одного из лучших и авторитетнейших мастеров музейного дела, директора Пушкинского заповедника Семена Семеновича Гейченко — личности легендарной в советском пушкиноведении, и соглашаемся с метким определением роли мемориальных рощ, парков, урочищ, в пропаганде художественного слова, жизни гениев. Конечно же, Яворовщина и Стенка не могут не стать частью заповедной зоны гоголевского мемориала, ибо они не только обогащают наше представление о жизни писателя — они открывают мир, познанный им и отлитый в слове.

Пушкина мы узнаем в тихом течении Сороти, неброской красоте северного пейзажа, в аллеях, скамьях, как бы пришедшей из его вдохновенной думы об «Онегине». Помню юнопольянский «прешпект», березовый мостик, пруды, беседку-вышку, парк «Клины», яблоневый сад — все то, чему Толстой, по его мнению, «обязан лучшими своими мыслями, лучшими движениями души...»

Да, да, конечно, Пушкина и Толстого мы любим за их слово, узнаем прежде всего по книгам. Но как быть с Толстым, когда он говорит: «Без своей Ясной Поляны я трудно могу себе представить Россию и мое отношение к ней?» Как быть с миллионами и миллионами читателей, которые, хорошо зная Толстого, заново открывают его для себя в этих двориках и аллеях, пасеке и дубах, и липах в Чапыжге, в скромном холмике, укрытом еловыми ветками...

Хорошо, что есть теперь у нас Гоголево, гоголевская Васильевка, что она открывает свое сердце, приглашает словами писателя: «берите путь по столбовой дороге на Диканьку», а оттуда — рукой подать к самому заповеднику. Пейте воздух, которым он дышал, — чище его не бывает. Узнавайте его в рощах, пруду, высоком небе, в доме, где он рос и впитывал в себя все краски мира, все были мира, человеческие страсти и страдания. Узнавайте Гоголя!

И. БОКИИ.
Заслуженный работник культуры УССР.
Фото В. Мартыненко.